

Философия исторической памяти

И.Ю. Алексеева, А.П. Алексеев

Историческая память рассматривается в статье как поле исследовательской и практической деятельности, где взаимодействуют стили мышления и ценностно-нормативные системы разных научных дисциплин и трансдисциплинарных практик. Авторы принимают во внимание особенности подходов к исторической памяти, характерные для историков, социологов, политологов, журналистов, политтехнологов. Отмечается уместность использования понятий когнитивной психологии в философском осмыслении феномена исторической памяти. Проводится различие критической и «субстанциальной» составляющих философии исторической памяти (по аналогии с различием критической и «субстанциальной» философии истории). Дается оценка ряда способов «политического использования прошлого» и соответствующих политик памяти. Учитывая вызовы, стоящие перед современной Россией, авторы рассматривают в качестве перспективной «технологическую-детерминистскую» ориентацию политики памяти, акцентирующую значение технологических систем и структур в развитии общества. Речь идет о необходимости перемещения в активную историческую память накопленных знаний об опыте осуществления научно-технологических «рывков» и о переосмыслении такого опыта с современных позиций, с учетом экономических, правовых, морально-этических факторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия истории, философия исторической памяти, философия сложности, историческая память, коллективная память, политика памяти.

АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, сектор философских проблем социальных и гуманитарных наук, Институт философии Российской академии наук, Москва.

ialexeev@inbox.ru

АЛЕКСЕЕВ Александр Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва.

aleksandr.alekseev.57@list.ru

Статья поступила в редакцию 15 мая 2018 г.

Цитирование: *Алексеева И.Ю., Алексеев А.П.* Философия исторической памяти // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 67–76 .

Понятие исторической памяти было введено в контекст современной теории познания на рубеже XX–XXI вв. В работах В.А. Лекторского историческая память рассматривается как неотъемлемая часть сознания и самосознания общества, в существенном смысле аналогичная памяти отдельного человека о собственном прошлом, «жизненной памяти» личности. Вместе с тем самосознание личности видится как включающее осознание собственной принадлежности к стране, народу и неизбежно

то или иное представление (пусть неполное, в чем-то неточное) об истории страны и народа. Вопросы достоверности исторической памяти связываются с особенностями исторического знания и познания, при этом на первый план выдвигается специфика работы с информацией, свойственная исторической науке. Речь идет о способах изучения следов прошлого в настоящем, установления подлинности фактов прошлого, о методах понимания и объяснения прошлого, критериях отбора фактов для исторического повествования. «Выяснение связи между событиями прошлого имеет отношение к еще одной своеобразной особенности исторического познания. Дело в том, что историки постоянно переоценивают прошлое и переписывают историю. <...> Время не только выявляет новые связи, отношения между событиями, но и нередко заставляет нас иначе видеть значение тех или иных фактов прошлого. К тому же меняются и наши общие представления о человеке и обществе. И в свете этих новых представлений мы начинаем видеть в прошлом то, чего не видели раньше» [Лекторский 2001, 245–246]. Данная особенность исторического познания, субъектами которого являются не только ученые-историки, особенно ярко проявляется в эпохи крушения общественно-политических систем, в процессах ускоренного формирования новых социополитических целостностей, в борьбе конкурирующих сил за установление или ниспровержение тех или иных видов миропорядка.

Начиная с 80-х гг. XX в. разные аспекты феномена исторической памяти все более активно изучаются социологами, историками, филологами, политологами. Ряд методологических проблем, касающихся содержания исторической памяти, обсуждался в рамках организованного журналом «Вопросы философии» круглого стола «Знание о прошлом в современной культуре» [Знание... 2011]. Наряду со словосочетанием «историческая память» (и нередко во взаимосвязи с ним) используются такие выражения как «память о прошлом», «коллективная память», «социальная память», «культурная память», «политика памяти» («историческая политика»), «политическое использование прошлого». Исследователи не могут игнорировать то обстоятельство, что в формировании исторической памяти людей и обществ участвуют не только сочинения историков, но и произведения художественной литературы, музыка, публицистика, изобразительное искусство, разнообразная видео- и аудиопродукция. Свой вклад в формирование исторической памяти вносят музейные экспозиции, архитектурные сооружения, названия улиц и поселений. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий создает новые возможности для проведения «политики памяти» субъектами разных видов и степеней влияния (как отдельными лицами, так и организациями). Мощными субъектами «политики памяти» являются государства, обладающие богатыми арсеналами необходимых для этого средств. Неудивительно, что «историческая память» представляет собой поле исследовательской и практической деятельности, где «встречаются» установки, стили мышления и нормативные системы, отношения между которыми характеризуются не только как «взаимодополнение» и «взаимобогащение», но и как «непримирение», «столкновение», «борьба».

Сложившаяся ситуация не вызывает восторга ученых-историков, чей профессиональный этос предьявляет повышенные требования к тщательности, объективности и методологической строгости в изучении следов прошлого в настоящем. Показательно в этом плане замечание историка И.М. Савельевой: «Спектр работ по “исторической памяти” сегодня очень широк: от мифотворческих опусов и разнообразных вариантов идеологизированной истории до научно-теоретических трактатов. Среди авторов этих сочинений есть как профессиональные историки, так и немало энтузиастов от политики, журналистики, музееведения и т.д. <...> Дискурс, связанный с введением термина “историческая память”, обычно подразумевает, что профессиональное историческое сообщество должно трудиться над производством не просто научного знания, но и – массовых социальных представлений о прошлом. Историк тем самым оказывается включенным в создание альянсов “власти и памяти”, “власти и забвения” и подвергается очередному соблазну “историзировать” современную ему политическую реальность» [Савельева, Полетаев 2005, 170]. И все же это не единственно

возможный взгляд историка на феномен исторической памяти. Так, английский историк П. Хаттон, автор книги «История как искусство памяти», подчеркивает значимость постмодернистской «археологии памяти», представленной в работах М. Фуко, для осознания историками многообразия собственных возможностей восстановления прошлого. «Когда я начал заниматься памятью, — пишет П. Хаттон, — я обнаружил, что эта тема была квинтэссенцией междисциплинарных интересов. Это была тема для всех, однако ни у кого не было на эту тему преимущественного права» [Хаттон 2005, 9]. Историк Л.П. Репина связывает исследования исторической памяти с глубокими изменениями в структуре, содержании и методологии социально-гуманитарного знания и считает необходимым принять во внимание «новые концептуальные разработки российских ученых в области философии, психологии, филологии, культурологии» [Репина 2011, 191–192].

С состоянием и перспективами междисциплинарных взаимодействий в изучении исторической памяти связан спектр проблем, заслуживающих философского осмысления. Предпринимая попытку такого осмысления, мы используем язык и подходы философии сложности — направления, возможности которого стремились реализовать ранее, исследуя феномен информационной войны [Алексеев, Алексеева 2016]. Развивая идеи философии сложности, выдвинутые В.И. Аршиновым [Аршинов 2011], мы придаем особое значение сложности субъекта, познающего сложные системы и явления («сложность наблюдателя сложности») и многообразию возможностей «распаковки смысла» в зависимости от целей и ценностей «наблюдателя». При этом принимаются во внимание не только междисциплинарные взаимодействия, но и трансдисциплинарный характер планирования и осуществления различных «политик памяти».

1. Историческая память как «сложное наблюдаемое»

Существенные аспекты исторической памяти относятся к сфере, которую правомерно называют трансдисциплинарной. Поскольку латинское слово «trans» означает «через», под трансдисциплинарным понимают то, что «переходит через границы» некоторой научной дисциплины, простираясь в сферу ведения других дисциплин или же вовсе за пределы науки — в область социальных практик и жизненные миры людей [Бажанов, Шольц (ред.) 2015]. Философия исторической памяти может рассматриваться как часть жизненной философии человека, осознающего себя в качестве носителя памяти и оценивающего содержание последней. Индивидуальное и коллективное измерения исторической памяти тесно связаны, хотя ни одно из них не сводимо к другому. Французский социолог М. Хальбвакс, признанный предтеча современных исследователей исторической памяти, таким образом излагал результаты соответствующих самонаблюдений: «Я помню Реймс, потому что жил там целый год. Я также помню, что Жанна д'Арк была в Реймсе и что там был коронован Карл VII, потому что я слышал или читал об этом. Жанну д'Арк так часто представляли в театре, в кино и так далее, что для меня действительно не составляет никакого труда представить ее в Реймсе. В то же время я прекрасно знаю, что я не мог быть свидетелем самого события: я здесь ограничен прочитанными или услышанными словами — воспроизведенными через века знаками, которые и есть все, что доходит до меня из этого прошлого. То же самое относится ко всем известным нам историческим событиям» [Хальбвакс 2005, 9]. Коллективная память, по М. Хальбваксу, возможна благодаря существованию некой искусственной среды (называемой также «коллективным временем и пространством» и «коллективной историей»), которая является внешней по отношению к индивидуальным сознаниям, но «охватывает» их. Примечательно, что к собственно исторической памяти этот автор относил лишь память о достаточно далеком прошлом — о событиях, участников, очевидцев и просто современников, которых уже нет в живых. Сегодня исследователи, как правило, не ограничивают историческую память подобным образом: «живая память» об относительно недавнем прошлом считается частью исторической памяти.

Содержание исторической памяти отдельного человека не может формироваться только лишь из данных и знаний, соответствующих критериям достоверности, принятым в исторической науке. Представители профессиональных групп, оказывающих

существенное влияние на историческую память общества, находятся в сфере действия ценностно-нормативных систем, не тождественных тем, которые регулируют профессиональное поведение ученого-историка. Например, произведения литературы и искусства заведомо невозможны без художественного вымысла. Сказанное не означает, что разные нормативные системы вовсе не имеют сходных составляющих. Так, журналисту правила профессиональной этики предписывают распространять и комментировать лишь такую информацию, в достоверности которой он убежден, ни в коем случае не искажать фактов, и к тому же отличать факты от мнений и предположений. Однако в том, что касается выражения гражданской позиции и личных пристрастий, журналист имеет гораздо большую свободу, чем ученый. Известно также, что восприятие фактов аудиторией не в последнюю очередь зависит от предлагаемых интерпретаций, а истолкование и объяснение в журналистике не могут быть помещены в «прокрустово ложе» стандартов науки.

Реконструкции прошлого, активизирующие те или иные фрагменты исторической памяти, используются для решения задач современности и зависят от представлений о будущем. Политика государства, как правило, находится под влиянием разных ценностно-нормативных систем, взаимодействие которых имеет сложный характер. Не удивительно, если «политическое использование прошлого» государством осуществляется в рамках не одной, а многих (по крайней мере, нескольких) «политик памяти». Данное обстоятельство порой воспринимается учеными-политологами как недостаток, свидетельствующий об отсутствии должной продуманности и связности, необходимой для разработки и реализации политических стратегий. Однако имеющиеся в современном мире примеры осуществления идеалов концептуальной простоты и непротиворечивости в сфере «политики памяти» вряд ли заслуживают подражания.

Так, деятельность Института национальной памяти в Польше (Instytut Pamięci Narodowej, английское название – Institute of National Remembrance) основывается на представлении о полувековом периоде истории этой страны как череде преступлений против польского народа, совершенных нацистами и коммунистами. В размещенном на официальном сайте института документе под названием «Краткая история Польши 1939–1989», характеризующем указанный период как включающий «немецкую и советскую оккупации, а также историю Польши при коммунистическом режиме», утверждает: «Репрессии Гитлера были направлены, прежде всего, против политической, культурной, религиозной, социальной и интеллектуальной элиты. Подобным же образом (similarly), сотни тысяч польских граждан с территорий, оккупированных Советским Союзом, были депортированы в Сибирь и Казахстан, где жили в нечеловеческих условиях» (<https://ipn.gov.pl/en/brief-history-of-poland/1,Brief-history.html>). Институт национальной памяти выполняет целый ряд функций, обычно рассредоточенных по разным организациям. В распоряжении института находятся архивы спецслужб Польской Народной Республики, институт занимается вопросами расследования преступлений, публикацией архивных данных (включая имена секретных сотрудников госбезопасности ПНР), памятными мероприятиями, а также национальным образованием и историческими исследованиями. В 2018 г. в закон об Институте национальной памяти были внесены поправки, предусматривающие наказания за использование выражения «польские лагеря смерти», за публичные высказывания, приписывающие польскому народу ответственность за участие в нацистских преступлениях против человечности, а также за отрицание преступлений, совершенных украинскими националистами и служащими украинских формирований, сотрудничавших с Третьим рейхом. Примечательно, что в задачи Украинского института национальной памяти, созданного по образцу польского, входит «популяризация в мире вклада украинского народа в борьбу против тоталитаризма» (<http://www.memory.gov.ua/page/polozhennya-pro-ukrainskii-institut-natsionalnoi-pamyati>), а националисты, действовавшие на территории Польши, считаются сейчас на Украине героями такой борьбы.

На подобном фоне отсутствие у современной российской власти «систематической стратегии развития репертуара “актуального” прошлого», компенсируемое «конструированием прошлого в технике коллажа» с избирательной «реабилитацией» советских символов

и «совмещением элементов противоположных смысловых систем, не сопровождаемым их содержательной реинтерпретацией» [Малинова 2014, 74] выглядит скорее благом, чем злом. Несомненно, такой стиль «политики памяти» облегчает работу политтехнологов, чья деятельность рассчитана на скорый (как правило, временный) эффект и не требует серьезного осмысления исторических проблем. Вместе с тем принципиальный эклектизм в «политическом использовании прошлого» современной властью является одним из факторов, обеспечивающих необходимую обществу свободу в вопросах самопознания и самосознания, предполагающую в числе прочего отсутствие политико-идеологического «пресса», затрудняющего профессиональную деятельность ученых-гуманитариев.

Ученые, занимающиеся феноменом исторической памяти, находятся в сфере действия идеалов и норм, характерных для научного познания в целом. Наука, порождая и изучая абстрактные объекты, стремится к выработке четких определений, созданию и целенаправленному применению строгих методов, к системной организации добываемых знаний. Однако характеристики исторической памяти как абстрактного объекта науки существенным образом зависят и от свойств исторической памяти как объекта воздействия множества социальных факторов. Изменения в «реальной» памяти, происходящие в результате такого рода воздействий, позволяют говорить о «текучести» явления, затрудняющей классическую научную рефлексию. Отсутствие «общепринятого» определения исторической памяти объясняется также тем, что историческая память изучается в рамках разных наук, в каждой из которых имеются различные подходы, акцентирующие те или иные аспекты изучаемого сложного явления. «Историческая память» относится к числу так называемых зонтичных понятий, и этот статус вряд ли может считаться временным. Процессы конвергенции гуманитарных наук, обеспечивающие формирование соответствующего направления, ведут не к возникновению стройной системы знаний, а к «перемешиванию» терминологии и методологии, распространению практики заимствования из смежных дисциплин ключевых слов с привнесением изменений в значения последних. В результате формируется познавательный-ориентировочный комплекс, включающий множество разнородных теорий и фрагментов теорий, методов из тех или иных областей знания, а также данные эмпирических исследований, идеи социогуманитарного проектирования и попытки (более или менее последовательные) такого проектирования.

Показательна в этом отношении тематика статей, публикуемых в международном журнале «Исследования памяти» (Memory Studies). Она охватывает и общие проблемы исторического познания, и частные вопросы, касающиеся государственных праздников, и формы коллективной памяти, и представления человека о личном прошлом, и изменения статуса архива в эпоху баз данных и виртуальных музеев, и этику воспоминания и забывания, и связь психологического дистресса с представлениями людей о прошлом и будущем, и многое другое. Недавно созданная Ассоциация исследований памяти (Memory Studies Association) стремится восполнить недостаток коммуникативных площадок в этой области, объединяя в своих рядах университетских ученых, работников музеев, архивов, а также активистов мемориальных организаций из разных стран мира. Цель такого объединения — содействие обмену идеями и взаимному ознакомлению с имеющимися «теоретическими, методологическими и эмпирическими подходами», а также поддержка ученых с активной гражданской и политической позицией в выражении озабоченности по поводу «политического использования прошлого» (“political uses of the past”, https://www.memorystudiesassociation.org/about_the_msa/).

Как правило, авторы работ по социологии и политологии воспринимают само по себе «политическое использование прошлого» как неизбежность и необходимость. Предметом дискуссий становятся подходы к изучению данного феномена, критерии оценки существующих практик «политического использования», собственно оценки, а также прогнозы, ожидания и рекомендации. Например, О.В. Малинова рассматривает политическое использование прошлого как часть «символической политики», т.е. деятельности, предполагающей производство и целенаправленное применение тех или иных способов интерпретации социальной реальности (включая социально-инженерное «изобретение» смыслов) в условиях борьбы за доминирование между различными интерпретациями такого

рода. При этом символическая политика выглядит не только как часть публичной политики, замещающая в определенных отношениях политику «реальную», но и как средство конструирования действительности, влияющее на «реальную» политику. Характеризуя проблемы, связанные с «использованием прошлого» в рамках символической политики, проводимой от имени современного Российского государства, О.В. Малинова отмечает, что «репертуар символов, событий, фигур прошлого, пригодных для мобилизации национальной солидарности, остается крайне скудным», «основная “нагрузка” по легитимации современной государственной политики авторитетом прошлого ложится на советское наследие», при этом «наиболее часто используемым символом отечественного прошлого была и остается Великая Отечественная война» [Малинова 2014, 76]. В качестве примеров «конструирования прошлого в технике коллажа» нередко упоминают драпировку мавзолея В.И. Ленина при проведении парадов Победы, а также «удаление» из устоявшегося ранее выражения «Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков» той части, которая начинается со слова «советского».

Эмпирические исследования массового сознания позволяют социологам делать выводы о том, что в последние годы представления о Великой Отечественной войне уходят из «живой памяти», перемещаясь в память о далеком прошлом – о событиях, участников и очевидцев которых осталось очень мало. Вместе с тем информация и знания о таких событиях и их участниках активируются в памяти людей во многом благодаря государственной политике, способствующей, кроме прочего, «партикуляризации» исторической памяти [Головашина, Линченко, Аникин 2017]. В качестве примера обычно упоминают движение «Бессмертный полк», получившее мощную поддержку государства. Нужно заметить, однако, что поддержка на федеральном уровне была оказана лишь через несколько лет после возникновения соответствующих народных инициатив в разных городах страны. Распространению «патрикулярных» версий исторической памяти (семьи, малой социальной группы, локального сообщества) способствуют современные информационно-коммуникационные технологии, без которых были бы немыслимы широкие возможности доступа к информации из архивов и других источников.

Следует согласиться с авторами, придающими серьезное значение исторической памяти как фактору мобилизации «ценностного потенциала общества» для ответа на вызовы современности. Сказанное, однако, не умаляет опасности нахождения общества «в плену у памяти» – в состоянии, затрудняющем адекватную оценку сегодняшних (и завтрашних) вызовов, осознание собственных возможностей и, как следствие, принятие верных стратегических и тактических решений.

2. «Технологический детерминизм» и политика памяти

Философия, начиная с древних времен, стремилась связать прошлое, настоящее и будущее человечества, определить движущие силы истории, наметить контуры грядущего. Раздел философии, связанный с интерпретацией исторического процесса и исторического познания, называют философией истории. Принято различать два основных типа философии истории [Филатов 2005]. Первый тип – историософия, или «субстанциальная» философия истории, ставящая задачи выявления общих закономерностей и смыслов истории человечества (ускользающих, как полагают философы, от ученых-историков, занятых изучением конкретных проблем и периодов). Второй тип – критическая философия истории, концентрирующаяся не на истории как реальности, а на исторической науке, интересующаяся природой добываемого этой наукой знания, логикой и методами исторических исследований. Здесь уместно вести речь о философских проблемах исторической науки [Блюхер 2004].

Следует отметить, что не всегда возможно провести четкую границу между указанными типами философии истории. Философское осмысление исторического процесса требует той или иной степени внимания к подходам и методам исторической науки, а изучение философских проблем исторической науки невозможно в отсутствие знаний об историческом процессе. Поскольку к философии истории относится

также изучение исторического сознания в широком смысле слова, философия исторической памяти является частью философии истории.

По аналогии с философией истории в целом, можно различать «субстанциальную» и критическую составляющие в философии исторической памяти. Особенности изучения исторической памяти разными гуманитарными науками и взаимодействия этих наук относятся к критической философии исторической памяти, а вопросы, касающиеся структуры исторической памяти, протекающих в памяти процессов, роли исторической памяти в жизни людей и обществ, к «субстанциальной». И здесь граница между критическим и субстанциальным условна хотя бы в силу того, что философская рефлексия предполагает осознанное отношение к используемым подходам и методам. Видение роли исторической памяти в строении и функционировании социума не может не зависеть от общего взгляда на социум, выбранного (или самостоятельно выработанного) «наблюдателем памяти». Учитывая вызовы, с которыми столкнулось современное российское общество, мы полагаем оправданным отнестись с особым вниманием к возможностям подхода, известного как «технологический детерминизм».

Напомним, что выражение «технологический детерминизм» используется с середины прошлого столетия для характеристики социологических, футурологических и социально-философских концепций, рассматривающих технику и технологии как главный фактор общественного развития, определяющий структуру и тип общества. К технолого-детерминистским относят так называемые технологические теории в социологии, предложенные такими авторами, как Р. Арон, К. Болдуинг, Д. Гэлбрейт и их последователи. Технологический детерминизм характерен для концепции постиндустриального общества, представленной в работах Д. Белла. Из российских авторов, обозначивших свою позицию как технолого-детерминистскую, можно упомянуть И.С. Мелюхина [Мелюхин 1999]. Вместе с тем технолого-детерминистские подходы представлены во многих работах по философии техники. Следует подчеркнуть, что «технологический детерминизм» в широком смысле – не способ всестороннего описания социального организма, а общая ориентация исследований, акцентирующих значение технологических (и научно-технических) систем и структур как определяющих качество общества. Роль таких систем и структур, как правило, не получает должной оценки в рамках других подходов, ставящих во главу угла отношения собственности, формы государственного устройства или культурные традиции.

Обстоятельства, побуждающие государство и общество осознать необходимость «технологического прорыва» как условия выживания страны, способны стимулировать соответствующий «поворот» в разных разделах общественного сознания, включая историческое сознание и историческую память. Речь идет не о развитии «техник коллажа» и технологий манипулирования сознанием, а об обращении к историческому опыту осуществления научно-технологических «рывков», мобилизации творческого потенциала общества для решения жизненно важных задач. Извлечение уроков из прошлого предполагает осмысление как положительного, так и отрицательного опыта с учетом роли экономических, правовых, моральных факторов, их изменений в разные периоды истории страны.

Логично предположить, что политика памяти, направленная не на решение ситуационных задач управленческих структур (и управляющих персон), а на поддержку долгосрочной национальной стратегии, объединяющей государство и общество, должна учитывать сложность самого феномена исторической памяти. В когнитивной психологии под влиянием «компьютерной метафоры» утвердилось различие кратковременной (активной) и долговременной памяти человека. Подобное различие применимо и к исторической памяти общества. Психологи связывают готовность хранящейся в памяти информации к использованию с важностью этой информации для предстоящей деятельности, выделяют такие свойства памяти, как динамичность (обусловленная, кроме прочего, мотивами и целями деятельности субъекта) и помехоустойчивость (включающая способность избегать ошибок, порождаемых конкуренцией следов памяти) [Зинченко 2002]. Имеет смысл учитывать динамичность и поме-

хоустойчивость как свойства исторической памяти при разработке и осуществлении политик памяти.

Процессы, происходящие в исторической памяти общества и отдельного человека, обусловлены действиями различных субъектов, имеющих разные цели и подчиняющихся разным правилам. Государство не является единственным субъектом политики памяти. Такую политику, в большей или меньшей степени проработанную и последовательную, проводят различные организации, сообщества и отдельные люди. Знания, добытые представителями профессиональных сообществ ученых-историков, как правило, отправляются в «складские помещения» памяти (в долговременную историческую память общества), где с этими знаниями работает сравнительно небольшое число людей. Однако нельзя не признать правомерным стремление историков влиять непосредственно на активную память общества, и нельзя не признать разумной потребностью общества в получении исторических знаний «из первых рук». Подобные стремления и потребности стимулируют участие ученых в развитии сферы, получившей название «публичная история» и охватывающей в числе прочего научно-популярную литературу и видеопroduкцию. Такое участие порождает новые проблемы профессионального самосознания. «Если анализировать трансформацию мастерства и трансмиссию знания профессионального историка, выступающего в публичной роли “по совместительству”, — пишет И.М. Савельева, — то здесь существует серьезная исследовательская проблема. Риторически и психологически разговор с публикой построен иначе: историк должен понимать, что говорит с обычными людьми, носителями “наивного знания”, и при этом не грешить против знания профессионального» [Савельева 2014, 151]. Особая тема — преподавание истории в средней школе.

Технологический поворот, понимаемый указанным выше образом, предполагает перемещение из долговременной в активную память общества массивов знаний, накопленных исследователями истории науки и техники. Речь идет как об истории идей, открытий и изобретений, истории технических устройств и технологических комплексов, так и об историях людей — тех, благодаря кому все это стало возможным. Наполнение активной памяти такой информацией способствовало бы солидаризации общества (а в перспективе и солидаризации человечества), отгесняя на второй план культивируемую в течение долгого времени память о «травмах» и «исторических винах» [Буллер, Линченко 2015]. Сказанное не следует понимать как восхваление целенаправленной «политики забвения» в духе Д. Рильфа [Rielf 2016]. Тем не менее нельзя не признать серьезности современных проблем «экологии памяти» [Hoskins 2016] и актуальности поиска путей их решения.

Кризис самосознания (широко обсуждаемый под названием «кризис идентичности») не может быть преодолен на путях неотрадиционализма, отдающего разные части общества во власть различных версий прошлого, активирующего архаичные программы, порождающие религиозные и иные конфликты. Наши современники, используя в осмыслении отношений с другими странами варианты западничества и славянофильства, как правило, игнорируют то обстоятельство, что и западничество, и славянофильство укоренены в реальности доиндустриальной России и что «доиндустриализм» является не случайной, а сущностной чертой этих идейных течений. Утверждение, что идея прогресса отжила свой век, стало общим местом в политической философии. Однако никто не берется всерьез отрицать прогресс в сфере науки и техники, включающий создание крупных технологических комплексов, необходимых для благоустроенной жизни человека. Широкое видение технологий, охватывающее технологии управленческие, педагогические, исследовательские, позволяет поставить в повестку дня вопрос о взаимосвязи прогресса в данной сфере с общественным прогрессом. Идея широко понимаемого технологического прогресса могла бы стать для современного российского общества идеей объединяющей, мобилизующей творческие возможности людей.

Ссылки – References in Russian

- Алексеев, Алексеева 2016 – *Алексеев А.П., Алексеева И.Ю.* Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5–14.
- Аршинов 2011 – *Аршинов В.И.* Синергетика встречается со сложностью // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. М., 2011. С. 47–65.
- Бажанов, Шольц (ред.) 2015 – *Бажанов В., Шольц Р. (ред.)* Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М.: Навигатор, 2015.
- Блюхер 2004 – *Блюхер Ф.Н.* Философские проблемы исторической науки. М.: ИФ РАН, 2004.
- Буллер, Линченко 2015 – *Буллер А., Линченко А.А.* Простить? О феномене исторического непростения и непреклонной памяти // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 50–59.
- Головашина, Линченко, Аникин 2017 – *Головашина О.В., Линченко А.А., Аникин Д.А.* Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 63–70.
- Зинченко 2002 – *Зинченко Т.П.* Память в экспериментальной и когнитивной психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Знание... 2011 – Знание о прошлом в современной культуре (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 3–45.
- Лекторский 2001 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001.
- Малинова 2014 – *Малинова О.В.* Использование символов прошлого в политике постсоветской России: эволюция подходов // Вестник РГНФ. 2014. № 1 С. 69–78.
- Мелюхин 1999 – *Мелюхин И. С.* Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
- Репина 2011 – *Репина Л.П.* Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 191–201.
- Савельева 2014 – *Савельева И.М.* Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141–156.
- Савельева, Полетаев 2005 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Савельева И.М., Полетаев А.В. (ред.) Феномен прошлого. М.: ВШЭ, 2005. С. 170–220.
- Филатов 2005 – *Филатов В.П.* История, историософия и методология истории // Наука глазами гуманитария. М.: Прогресс 2005. С. 484–498.
- Хальбвакс 2005 – *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память (Перевод с франц.) // Неприкосновенный запас. 2005. № 40–41(2–3). С. 8–27.
- Хаттон 2005 – *Хаттон П.* История как искусство памяти (Перевод В. Ю. Быстрова). СПб.: Владимир Даль, 2005.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 10. P. 67–76

Philosophy of Historical Memory

Irina Yu. Alekseeva, Aleksandr P. Alekseev

The paper deals historical memory as a field of research and practice. Different modes of thought, systems of norms and values of different academic disciplines (as well as of transdisciplinary practices) interact on this field. The authors of the paper take into consideration approaches of historians, sociologists, political scientists, journalists, political technologists. The authors stress that certain concepts of cognitive psychology are appropriate in philosophy of historical memory. By analogy to critical and substantial philosophy of history the authors distinguish critical and substantial philosophy of historical memory. Several modes of “political uses of the past” with corresponding politics of memory receive estimation in the paper. Consideration of history from the point of “technological determinism” seems to be relevant to politics of memory in present Russia. Serious challenges to Russian society cause importance of rethinking of historical experience of breakthroughs in science and technologies. It implies that knowledge of history of science and technology should be relocated into active memory of the society and processing of the knowledge should involve economic, legal and moral influences.

KEY WORDS: philosophy of history, philosophy of historical memory, philosophy of complexity, historical memory, collective memory, politics of memory.

ALEKSEEVA Irina Yu. – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow at Department of Philosophical Problems in Social Sciences and Humanities, in Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

ialexeev@inbox.ru

ALEKSEEV Aleksandr P. – DSc in Philosophy, Professor, Chairman at Department of Philosophy for Humanities, in Philosophical Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow.

aleksandr.alekseev.57@list.ru

Received at May 15, 2018.

Citation: Alekseeva, Irina Yu., Alekseev, Aleksandr P. (2018) “Philosophy of Historical Memory”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2018), pp. 67–76.

DOI: 10.31857/S004287440001152-2

References

- Alekseev, Aleksandr P., Alekseeva, Irina Yu. (2016) ‘Information Warfare in the Information Society’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2016), pp. 5–14 (in Russian).
- Arshinov, Vladimir I. (2011) ‘Synergetics Meets Complexity’, *Synergetic Paradigme. Synergetics of Innovative Complexity*, pp. 47–65, Progress-Tradicia, Moscow (in Russian).
- Bazhanov, Valentin; Scholz, Roland, eds. (2015) *Transdisciplinarity in Philosophy and Science*, Navigator, Moscow (in Russian).
- Blyukher, Fyodor N. (2004) *Philosophical Problems in Historical Studies*, IFRAN, Moscow, 2004.
- Buller, Andreas, Linchenko, Andrey A. (2015) ‘Forgive? About the Phenomenon of Historical Unforgiveness and Uncompromising Memory’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11(2015), pp. 50–59 (in Russian).
- Filatov, Vladimir P. (2005) ‘History, Historiosophy and Methodology of History’, *Science in Eyes of Humanitarian*, pp. 484–498, Progress, Moscow (in Russian).
- Golovashina, Oksana V., Linchenko, Andrey A., Anikin, Daniil A. (2017) ‘Memory of the Great Patriotic War: Victory Day in the Historical Consciousness of Russians’, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, Vol. 38, pp. 63–70 (in Russian).
- Halbwacs, Maurice (1967) ‘Chapitre II Mémoire collective et mémoire historique’, Halbwacs, Maurice, *La Mémoire collective*, Les Presses universitaires de France, Paris, pp. 25–50 (Russian translation).
- Hoskins, Andrew (2016) ‘Memory Ecologies’, *Memory Studies*, 3, pp. 348–357.
- Hutton, Patrick (1993) *History as an Art of Memory*, Univ. of Vermont, Hanovre-Londres (Russian translation).
- Lektorsky, Vladislav A. (2001) *Classic and Non-Classic Epistemology*, URSS, Moscow (in Russian).
- Lektorsky, Vladislav A. et al. (2011) ‘Knowledge about Past in Present Culture’, Materials of the Round Table, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2011), pp.3–45 (in Russian).
- Malinova, Olga V. (2014) ‘Uses of Symbols from the Past in Post-Soviet Russia’, *Bulletin of the Russian Foundation for Humanities*, Vol. 1 (2014), pp. 69–78(in Russian).
- Melukhin, Igor S. (1999) *Information Society: Origin, Problems, Trends of Development*, Moscow Univ. Press, Moscow (in Russian).
- Repina, Lorina P. (2011) ‘The Phenomenon of Memory in Contemporary Humanitarian Knowledge’, *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, Vol. 153, №3 (2011), pp. 191–201.
- Rielf, David (2016) *In Praise of Forgetting: Historical Memory and its Ironies*, Yale Univ. Press, New Haven CT.
- Savelieva, Irina M. (2014) ‘Professional Historians in “Public History”’, *Modern and Current History Journal*, Vol. 3 (2014), pp. 170–220 (in Russian).
- Savelieva, Irina M., Poletaev, Andrey V. (2005) ‘“Historical Memory”: Borderlines of the Notion’, *Phenomenon of the Past*, HSE, Moscow (in Russian).
- Zinchenko, Tatyana P. (2002) *Memory in Experimental and Cognitive Psychology*, Piter, St Petersburg (in Russian).